

Надежда Арусева

Тихий омут -
индивидуальные черты

Надежда Ивановна Арусева

Тихий омут – индивидуальные черты

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30475070

SelfPub; 2018

Аннотация

Три милейшие женщины: Женя – мисс Здравомыслие, Любочка – мисс Чувственность, Альбина – мисс Скромность. Привычная жизнь рассыпается в прах, любимый предает, с работы увольняют, одолевает нищета и у пружины, которую сжимали годами, заканчивается запас прочности. Взрыв! Из тихого омута сыплются неуправляемые черти. Женя напивается в баре, хулиганит и просыпается в чужой постели. Люба становится объектом всепоглощающей ненависти. А на что способна меланхоличная Альбина? Сложно вернуть жизнь в привычное русло, когда тебя подозревают в убийстве, а сам убийца совсем рядом.

Содержание

ГЛАВА 1. Рухнувшие надежды	6
ГЛАВА 2. За счастье нужно бороться	25
ГЛАВА 3. Насмешка судьбы	50
ГЛАВА 4. Слишком много неприятностей для одного дня	64
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Конец августа. Большой город ночью насыщен прохладной свежестью, вздыхает, посапывает отдаленным гулом автострады, моргает вывесками, редкими светящимися окнами... Настоящий городской житель, не спеша прогуливаясь по ночным улицам, получает свою долю умиротворения, как от отдыха в лесу.

Как часто бывает в городах, неожиданно тишину пронзил резкий, надрывный вой сигнализации: вор-неудачник не рассчитал свои силы или подвыпившие малолетки, воспылав классовой ненавистью, пинают дорогое авто? Не в этот раз... Миниатюрная брюнетка в «маленьком черном платье» крошечными ножницами вывела на блестящем боку черного автомобиля слово «КАЗЁЛ». Как у всех подвыпивших людей каждое ее движение было нарочито сосредоточенным. Особенно тщательно она выделила точки над буквой «Ё», но поскольку ее прилично качало, точек получилось не меньше пяти.

Несчастный беззащитный автомобиль орал сигнализацией, как раненный лось. На шум из дверей ресторана вышел высокий, плотный мужчина. Неторопливость и расслабленность его движений выдавали вечернюю усталость и сытое благодушие. Дорогой костюм был немного измят, пиджак небрежно перекинут через руку, ворот рубашки расстегнут и галстук сбился на сторону. Его настолько потрясло увиденное, что он несколько раз зажмурил глаза и тряхнул головой, сам себе напоминая, что сегодня ничего не пил крепче чая,

не сразу понял, как на это следует реагировать. На суровом лице появилось самое искреннее изумление.

Постепенно до него дошел смысл происходящего.

Он закипал, ноздри раздувались. Сумасшедшая девица не чувствовала надвигающейся опасности. . .

ГЛАВА 1. Рухнувшие надежды

Уже почти стемнело... За большим витражным окном живет город, спешат прохожие, гудят машины. А в зале итальянского ресторана играет тихая музыка, свет приглушен ровно настолько, чтобы собеседники казались друг другу притягательными незнакомцами. Белая скатерть, тарелки с золотыми вензелями, лучики света играют в хрустальных бокалах. В такой романтической обстановке любая женщина мечтает получить предложение руки и сердца.

Женя как бы невзначай оборачивалась к окну и смотрела на свое отражение. То, что она видела, ей нравилось. Она всегда отличалась объективностью, а в отношении себя даже критичностью. И, тем не менее, сегодня она действительно прекрасно выглядела. Темно-каштановые волосы, короткая стрижка под мальчика не скрывала, а подчеркивала идеальный овал лица, открывала длинную изящную шею. Карие глаза, нос с едва заметной горбинкой, тонкие губы – ничего яркого, вызывающего, но сторонний наблюдатель понимает, что перед ним дорогая женщина. Шею и ушки украшали только тоненькая золотая цепочка и крошечные капельки-сережки, никаких колечек. Сегодня она планировала надеть на руку кольцо с особым смыслом и хотела, что бы оно выгодно выделялось на руке.

Женя именно планировала, не надеялась, не мечтала. Она

строила свою жизнь по кирпичику, обдуманно и самостоятельно. Конечно, совершать подвиг Ломоносова ей не пришлось. У нее был и есть крепкий тыл в лице любящих мамы и папы. Семья среднестатистическая – папа полковник, отставной теперь, мама учитель русского языка и литературы. Они не могли дать дочери стартовый капитал, но научили настойчивости и методичности в достижении своей цели, на которых базируется образованность, профессионализм и высокая работоспособность, привили хороший вкус и интеллигентность. Именно благодаря любимым родителям сейчас Женя может себе позволить обедать в этом недешевом ресторане, носить неброские дорогие вещи, получать удовольствие от работы, которую ценит и соответствующим образом оплачивает руководство. Строительная компания «Мой дом» не последняя на рынке и начальник проектного отдела, архитектор первой категории фигура незаменимая и внушительная, несмотря на кажущуюся невесомость самой Жени.

Действительно, к тридцати трем годам в наличие имеется стабильная работа и достойное положение в обществе, которых Женя добилась без блата и интриг (было, конечно, кое-что, не стоящее особого внимания), уютный, милый сердцу «Форд», и, наконец, собственная, закроем глаза на почти погашенную ипотеку, квартира.

Но, как говорит мама, пришла пора подумать и о собственной семье. Удача улыбнулась, и рядом возник Дима. Вообще-то он возник давно, лет двадцать назад. Он сын ма-

миной подружки, но именно сейчас Женя рассмотрела в нем своего спутника жизни. Их чувство не было вспышкой, любовью с первого взгляда. Все началось с простой симпатии, по мере узнавания друг друга к симпатии добавилось уважение и переросло в настоящее сильное чувство. Это соприкосновение двух половинок, как в мозаике, дополняющих друг друга и создающих целостную картину. Женя считала себя немного скучной, совсем чуть-чуть, а в Диме есть азарт. Она педантична, он слегка неаккуратен. Женя приносит в его жизнь порядок, а Дима дает ей ощущение новизны. Он, как никто другой, умеет создавать праздник вокруг себя, и не какую-то импровизацию, а целое действо, подготовленный и продуманный спектакль. Например, на прошлый день рождения к Жениным родителям на дачу на телеге приехали цыгане и устроили феерию из танцев и песен. И сегодня Женя имела полное право ожидать какой-нибудь сказки, предпосылки для этого были – Дима последние дни ходил с таинственным и задумчивым выражением лица, загадочно улыбался и был особенно внимателен. Поэтому она не раздражалась из-за его опоздания, какие могут быть счеты между родными людьми!

Вот, наконец, и Дима появился. Он не сразу увидел в полумраке Женю и немного задержался у входа. Женя в очередной раз с удовольствием отметила, что его появление не осталось незамеченным присутствующими дамами. О нем можно без преувеличения сказать – красив, не симпатичен,

а именно красив. Если его поставить рядом с греческим Давидом, то Давид будет посрамлен, не выдержит конкуренции с Дмитрием, высоким, стройным, кареглазым шатеном, легкая небрежность во внешнем виде придает ему мужественности... Удивительно, но он совершенно не осознает своей привлекательности, равнодушен к вниманию женщин, просто вежлив, и ни разу не дал Жене повода для ревности.

– Женечка, извини, ты заждалась, у меня неожиданно... – улыбаясь, Дима подошел к столику.

– Не оправдывайся, Димочка, все в порядке, я только пришла, как настоящая женщина всегда немного опаздываю.

Он нежно прикоснулся губами к ее щеке, присел за столик и потянулся за меню.

– Да, точность это не твой конек, так что один раз опоздать и мне не грешно, – сам себя извинил Дима. – Ну не будем отвлекаться. Ты уже заказала? Не успела? Так, давай посмотрим, что интересного они могут нам предложить. Ты знаешь у меня к тебе сегодня очень важный разговор, но не будем торопить события. Я на работе сегодня не обедал. Я закажу сам. Не возражаешь? Я прекрасно знаю твои пристрастия.

Дима, не спеша, с интересом пролистал меню и обернулся к официанту:

– Так, пожалуйста, даме – запеченную камбалу, неаполитанский салат и на десерт... – он вопросительно взглянул на Женю.

Она отрицательно качнула головой.

– Без десерта. А мне... рыбный суп по-средиземноморски, пирог с гусиной печенкой, барашка по-итальянски с грибами и сыром и тоже неаполитанский салат. Пить мы будем «Шардоне». Да еще, пожалуй, слоеные трубочки с клубникой.

Жене тоже нравились трубочки с клубникой, да и от пирога с гусиной печенкой не отказалась бы. Она была из той счастливой породы людей, которые любят покушать, но не толстеют. А может быть просто возможность полноценно поесть ей выпадала не так часто, как хотелось бы. Сегодня за весь день были четыре или пять чашек кофе и бутерброд с ветчиной на завтрак. Но Дима часто иронизировал по поводу ее хорошего аппетита и любви к выпечке, это ее немного смущало. Хотя сегодня кушать хотелось очень, наверное, от волнения.

Пока ждали заказ, разговор не прекращался. Дима рассказывал про секретаршу своего шефа, красивую, но удивительно бестолковую девицу. Затем они ужинали. Дима действительно был очень голоден, ел с таким аппетитом, что Женя тоже приступила к еде и на некоторое время забыла о своих надеждах. Только иногда она невзначай поглядывала по сторонам, даже заглянула под стол, недоумевая, когда и откуда рванет фейерверк или появятся «цыгане». Но надо сказать, что Дмитрий Огурцов (фамилия немножко портит Димочкин образ) в этот раз превзошел сам себя.

Вкусно, сытно отужинав, вытерев рот белоснежной сал-

феткой Дима, глядя прямо в глаза Жене, произнес:

– Женечка, у меня есть к тебе серьезный разговор.

Сердце Жени радостно забилося. Он немного помедлил, как бы собираясь с мыслями, но Женя знала, что в импровизации он не силен и каждое его слово продумано и взвешено не один раз.

– Мы с тобой знакомы уже очень долго. Довольно долго мы с тобой вместе. Сколько? Лет пять, наверное, да? Мы очень хорошо знаем друг друга, нам хорошо вдвоем...

Женя поняла, что фейерверка не будет. Но предложение выйти замуж само по себе уже праздник. Между тем, Дима задал вопрос:

– Почему же за столько лет, мы не сочли нужным оформить наши отношения? Конечно, это моя вина, инициатором брака должен быть мужчина. Но что-то всегда меня удерживало от этого шага...

Женя заметила, что Дима стал постепенно углубляться в самоанализ, и она с удовольствием его выслушала бы, но вечер сегодня и так получался затянутым, ожидание утомительным. Хотелось уже, наконец, сказать «да» и расслабиться. Она перебила Диму:

– Просто, мы с тобой были слишком молоды, хотели стать на ноги.

– Да, да, ты права, мы хотели убедиться в серьезности наших отношений. Но, Женя, я понял, что когда приходит настоящая любовь, тебе не нужно ни в чем убеждаться и че-

го-то ждать. Ты просто знаешь, что этот человек, эта женщина должна быть с тобой, и все! Просто знаешь это и всё. Ты очень чуткий человек, ты заметила, да? Ты заметила!

Лицо Димы стало одухотворенным, он забыл, где находится и с кем.

– Понимаешь, я будто опоён каким-то зельем, у меня чувство, что все изменилось в моей жизни, что теперь я все могу, горы сверну, я всех люблю!

– Дима, подожди, я ничего не понимаю. Чем ты опоён?

Тревожный звоночек зазвучал в голове Жени, стало тесно в груди, но она не могла понять из восторженных стенаний Димы сути происходящего.

– Ах да, прости, я никак не скажу главного. Но ведь ты все понимаешь, ты понимаешь меня без слов!

– Дима, найди, пожалуйста, слова и объясни мне что происходит, – сухо сказала Женя.

– Да, ты права, – он даже как будто обиделся на ее тон. – В моей жизни появилась Любовь. Само ее имя говорит о любви. Любовь Голицинская. Мы познакомились на даче у Лапшина. Ну, это мой коллега, помнишь, у него был юбилей, он всех приглашал на дачу. Ты не смогла поехать со мной, а я... Мне было там одиноко, я скучал, а когда увидел Любушку я... Это как озарение! Я сразу понял, что это моя женщина.

Он порывисто схватил Женю за руку, заглянул ей в глаза, надеясь на понимание:

– В сердце, в душе понял. Ты знаешь, ведь между нами

даже флирта не было. Все сразу и навсегда. Я сделал ей предложение, она согласилась... Ты простишь меня? Твое прощение очень важно для меня, – Дима опустил глаза, все-таки смутился, – но я думаю, что где-то в глубине души ты знала, что мое чувство, то есть наши с тобой чувства недостаточно глубоки. В общем, мы с тобой расстаемся, потому что я женюсь на Любочке. Еще раз прости... Я вижу, тебе нужно побыть одной, все обдумать.

Дима быстро свернул разговор, клюнул Женю в щеку:

– На созвоне. Я заплачу. Официант!

С подозрением посмотрев на молчащую Женю, он не стал дожидаться счета, оставил несколько купюр и торопливо ушел.

Сказать, что Евгения была поражена происходящим – не сказать ничего! Она не нашлась, что ответить ему. Более того в конце Диминого монолога, предательски покатались слезы. Некоторое время мыслей не было никаких, кроме одной – разве так бывает?

Потом Женя встала и перешла в бар. И вот тогда обида нахлынула в полную силу:

– Как же так? Разве так бывает? Слопал барашка, пирог, запил вином и мимоходом бросил женщину, с которой пять лет спал в одной постели. Ведь у него даже аппетит не испортился! Ему еще мое прощение нужно, чтобы совесть не мучила. Вот что значит молодой мужской организм и крепкая нервная система! Я его всегда понимала! Я чуткая! Как со-

бака, что ли? Захочет – приласкает, захочет – выгонит. Да я вообще, оказывается, его не знала, я нашу с ним жизнь планировала, пять лет на него убила. Конечно, в семье, прежде всего, должно быть понимание и прощение мелких недостатков, каждый должен ощущать себя в браке комфортно как ... как... как в любимых тапочках. Это мое мнение, а его озарило, на него нахлынуло. Озарение проходит, и с чем ты остаешься? Он же со мной еще позавчера спал!!! А озарение уже было! Меня, а о ней думал. То-то я удивилась затяжной песне, расстарался напоследок.

Последняя мысль была особенно противна. Появилось ощущение нечистоплотности. Как будто чужой человек использовал ее тело для удовлетворения физиологических нужд и отбыл по своим важным делам, даже не поинтересовавшись, как ее зовут.

Часть этого мысленного монолога вырывалась на белый свет, и бармен все чаще стал поглядывать на Женю. Было на что посмотреть. Изящная интеллигентная девушка (воспитание не пропьешь) постепенно надиралась в зюю. Пила пятизвездочный коньяк, бормотала себе под нос. Затем отправилась в зал ресторана и вернулась с блюдцем слоеных трубочек с кремом и клубникой. Коньяк закусывала пирожными. Бармен решил, что хватит переводить добро и стал наливать ей что-то менее звездное. Она не заметила, стала чаще заламывать руки и сползать с высокого стула. Затем удивительно громко и четко для своего состояния сказала

кому-то: «Да пошел ты Любушке в пу!» И пошла к выходу, гордо выпрямив спину и тихонько икая.

Такое поведение Жене было совершенно несвойственно. Оказалось, что она не может держать по-настоящему сильный удар. Точнее неожиданный удар. Она обладала удивительной интуицией и прозорливостью и на все катаклизмы в жизни реагировала вовремя и даже с опережением, никогда «не складывала яйца в одну корзину» и успевала «подстелить солому». А теперь поставила не на того парня.

У Егора сегодня был тяжелый, но удачный день. Он открывал новый автосалон в одном районном центре. Город не маленький, промышленный, градообразующее предприятие развивается успешно, и Егор был очень доволен вложением своих средств. В ближайшем будущем он планировал запустить там станции техобслуживания. Конечно, совсем непросто было добиться понимания от администрации города. Но на данном этапе зеленый свет был получен и Егор испытывал вполне заслуженное удовлетворение. Из райцентра он возвращался поздно вечером. Нестерпимо хотелось есть. Причем не какой-то там бутерброд с колбасой. Перед мысленным взором то и дело возникали сочная большая отбивная, картошечка с коричневым поджаренным бочком, маринованные огурчики... Отполировать бы всё это кружкой холодного пива. Но это уже дома. А сейчас можно заехать в ресторан и в их затейливом меню поискать обычную отбивную.

Голод стал просто невыносимым. По пути попало вполне приличное заведение с хорошей кухней. Егор припарковал машину и поспешил зайти в радушно распахнутые двери.

Ужин был именно таким, как и хотелось: много, вкусно, чисто и спокойно. Вместо пива большая кружка горячего чая и пирог с яблоками. Егор удовлетворенно откинулся на спинку стула и не торопясь разделялся с десертом. Общая атмосфера ресторана, тихая музыка и собственная усталость располагали к некоторой меланхолии и размышлениям о смысле жизни. Обычно Егор мыслил конкретными категориями: решить, распланировать, сделать. Но в моменты, когда удачно завершен важный проект, хочется разделить с кем-то близким свою победу. Или хотя бы просто ощутить женское тепло и домашний уют.

Наверное, все это могла дать Тоня. Последние полтора месяца их связывали определенные отношения. Он даже не представлял себе, что женщина может быть такой заботливой. Он являлся к ней в любое время, как только возникало желание. И каждый раз она встречала его нежной улыбкой и вкусным ужином, развлекала непринужденным разговором, массировала спину, утром подавала вычищенный костюм и умудрялась постирать рубашку. И ничего не требовала взамен. Может быть, поэтому Егор считал эти отношения ни к чему не обязывающими. Но где-то на уровне интуиции он ее боялся. Хотя даже себе никогда не признался бы в этой слабости. Наверное, это наследство, доставшееся от его де-

ловой бывшей жены Инки. Бывшая жена теперь неизменно вызывала раздражение. Не то чтобы он тосковал по ней или в душе теплилась любовь. Скорее он сожалел о своем единственном неудавшемся проекте, называемом семейной жизнью.

Они были слишком похожи – два «плюса», две параллели, спешащие в одну сторону. В юности одинаковый темперамент и схожесть взглядов радовали. Егор и Инна были ровесниками, одновременно закончили ВУЗы, она модельер, он инженер-механик, оба задорно стартовали к светлому будущему, помогали друг другу, поддерживали и работали, работали... Появление детей планировали через год, потом через три, потом через пять. А потом Инне предложили выкупить долю в столичном бизнесе. Егор переезжать отказался и они развелись, потому что «они уже давно перестали быть не только семьей, но и партнерами». Сейчас Егор – владелец трех автосалонов и четырех станций техобслуживания в родной области, а Инна – хозяйка швейного ателье и салона красоты в столице. Слишком ярко оба горели на работе, а домашний очаг погас без внимания и заботы. И все-таки когда Егор думал о семье, он вспоминал Инку. Жена из нее не получилась, но он ее любил, несмотря на постоянный беспорядок и отсутствие еды в холодильнике. Их быт остался на уровне студенческой общаги.

От размышлений Егора отвлекла смешная подвыпившая девица. Она несла в бар тарелку с пирожными и отмахива-

лась от помощи официанта.

А через полчаса вдруг сработала сигнализация...

Выйдя из ресторана, первое, что попало Жене на глаза, был большой черный автомобиль Димы, а может просто чем-то на него похожий, например, цветом. Исполнившись радости от того, что хозяин авто дожидается ее внутри, она бросилась к машине с надеждой, что все произошедшее было одним из Димочкиных сюрпризов, просто не самым удачным! Он сейчас откроет перед ней дверцу, возьмет за руки и проникновенно скажет: «Прости меня, Солнышко, это было глупо».

Женя гордо продефилировала мимо автомобиля. Но ее никто не окликнул. Тогда она вернулась и принялась заглядывать в окна, пытаясь рассмотреть в темноте салона изменника. В салоне было пусто. Она обошла вокруг машины и оказалась на газоне. Тонкие высокие каблук туфель почти по самую пятку стали проваливаться в сырую рыхлую землю, что не добавило устойчивости и окончательно вывело из себя. Женя, представив Диму в объятиях разлучницы с роковым именем Любовь, достала маникюрные ножнички и нацарапала на глянцевом боку дорогой иномарки слово «Казёл». Возмущенно заревела сигнализация.

Появившийся хозяин автомобиля, отнюдь не Дима, сумел взять себя в руки, и рукоприкладство не состоялось, хотя спокойствие мужчины было явно напускным:

– Ну и что, мне тебя теперь прибить что ли?!

Женя медленно обернулась, томно взглянула на говорившего, и произнесла:

– Вы знаете, у меня такие неприятности...

– Вот это точно, – согласился мужчина.

– Я ножнички сломала, совсем новые. Жалко..., – вздохнула и царственным жестом закинула ножницы на газон.

Задумалась, затем продолжила заплетающимся языком:

– Нельзя было их выкидывать, нужно найти. Утром дети могут на газон зайти или собаки для ... ну вы понимаете.

И с надрывом:

– Найдите, пожалуйста, мои ножницы. Я бы сама поискала, но плохо себя чувствую, наверное, грипп начинается. У меня ноги болят, плохо стоят.

– А голова у вас как? Не болит?

– Спасибо за беспокойство. Действительно, побаливает... Надо будет анальгина выпить. А вы ищите, ищите... Я подожду, пока посижу где-нибудь.

Девушка стала оглядываться в поисках скамейки. Мужчина подошел к ней и открыл дверцу машины. Она с огромным облегчением села в машину, сбросила туфли, свернулась калачиком на заднем сиденье и заснула.

На сегодня с нее достаточно.

Просыпаться было мучительно тяжело. До сознания долетали обычные утренние звуки: шум душа, звяканье посуды,

шорох чьих-то шагов. Собственная голова звенела гораздо громче, с каждым движением накатывала боль. Не открывая глаз, Женя с благодарностью думала о маме с её удивительной материнской интуицией: как только у Жени возникли проблемы она тут как тут, приехала, чтобы позаботится о дочери. Очень стыдно показываться в таком виде перед мамой, но ни физических, ни душевных сил для наигранного оптимизма не было. Женя полежала еще немножко, наконец, приоткрыла глаза и снова в ужасе зажмурилась на несколько секунд, но ничего не изменилось. Женя находилась в чужой, незнакомой квартире, в помятом платье лежала на чужом диване. Кто ее сюда притащил?! Что с ней сделал?! Она осмотрела себя. Все предметы одежды оказались на месте, туфли валялись рядом на полу, а ремешок сумочки обмотался вокруг руки. Кто-то свалил ее на диван в гостиной в том виде, как она была в ресторане, и накрыл пледом. Женя решила не выяснять, кто это сделал, а просто сбежать. Она тихонько прокралась в прихожую к входной двери, подергала за ручку...

– Я бы на твоём месте, сначала заглянул в ванную. От такого перегара таксисты захмелеют.

Расслабленно прислонясь к косяку кухонной двери, стоял незнакомый босой мужчина в халате. Женя испуганно вздрогнула и прижалась спиной к двери.

– Бояться меня не надо, все, что могло случиться, уже случилось. Так что после душа я приглашаю тебя на кофе.

– А что случилось? – выдавила Женя. Мысленно еще раз проинспектировав собственное тело, ничего особенного, помимо похмелья, она не обнаружила. Однако, этот босоногий мужик был мало похож на приятного собеседника для завтрака. Слишком уж он большой. Женя прикинула, что вряд ли ее макушка достанет ему до плеча. Подсознательно она старалась держаться подальше от таких здоровяков, чувствовала себя карлицей на их фоне.

– Да, собственно, ничего. Ты вчера заснула в моей машине, – ответил он и вернулся на кухню.

– Я?! Глупости говорите! Как это «заснула»? Как я оказалась в вашей машине?

Ситуация требовала разъяснения. Инстинкт самосохранения заслонила головная боль и, вдруг появившееся, сильнейшее раздражение. Жене очень не понравился ироничный тон и здоровый благоухающий после душа вид собеседника. Особенно румяная самодовольная физиономия.

Она отправилась за ним на кухню.

– Я не очень понимаю, что значит – заснула? Я никак не могла попасть в вашу машину. Может быть вы – таксист?

– Нет, я не таксист, а ты просто очень хотела спать. Вариантов было три: спать на скамейке, на газоне или в моей машине. Моя машина победила, – мужчина явно развлекался, хотя говорил без улыбки, смеялись одни глаза.

Женя вздохнула поглубже, стараясь взять себя в руки, как-никак этот человек ей помог, и она не хочет выглядеть

неблагодарной.

– У вас сложилось обо мне превратное мнение. Вы поймите, пожалуйста, произошедшее со мной – это первый и, конечно, последний раз в жизни. У меня вчера был очень тяжелый день. Скорее всего, я отравилась некачественным алкоголем.

– Или его количеством, – съязвил он тихо, но так, чтобы она услышала.

– А почему вы, совершенно чужой человек, притащили меня сюда?! – перешла в наступление Женя. – В конце концов, вы могли позвонить с моего телефона. Здесь по-русски написано... Вот мама, вот папа, вот Дим..., нет это не надо. Почему не позвонили?!

– Достаточно того, что я не оставил тебя на улице. Мне было проще привезти тебя сюда и положить на диван, как есть, чем полночи беседовать с твоими родственниками по телефону, объяснять кто я такой, почему ты пьяная, как сапожник и, что я в этом не виноват.

– Я благодарна вам за помощь. Но нельзя ли быть немного вежливее?! Что значит, как сапожник?! – вскинулась Женя. – Я по-вашему кто? Алкоголичка или женщина легкого поведения! Что вы себе позволяете? И не смейте мне тыкать!

– Ну, я не знаю, какого ты поведения, я тебя первый раз вижу. Но, судя по всему, выпить и похулиганить любишь, правописание хромает... И вообще, представь, что бы сказала твоя мама, если бы я разбудил ее в три часа ночи и под-

бросил ей тебя под дверь пьяную. Или она уже привыкла к запоям? Скорее всего, так и есть, поскольку ночью тебя никто не искал.

– Да я с Димой должна была быть... Неважно. И причем здесь правописание? – не поняла Женя. – Еще раз обращаю ваше внимание, не смейте мне тыкать!

– Ванная слева по коридору, – прекращая препирательства, сказал он. – Синий халат – новый, можешь воспользоваться. Приводи себя в порядок. Кофе на столе. И я отвезу тебя, куда скажешь – к маме, к Диме, к черту на кулички... Поторопись, я не хочу опаздывать на работу.

Женю осенило – работа! Она решила только умыться, залезть в чужую ванну ей не позволило бы чувство брезгливости. Однако то, что она увидела в зеркале, привело в ужас: монстр с красными глазами, потеками туши и потрескавшимися губами часто моргал и крепился, чтобы не зареветь. Это поубавило ей спеси. Женя отказалась от своих принципов и стала под душ – контраст холодной и горячей воды привел ее в чувство. Она оглядела ванную – все было идеально чисто, все вещи находились на своих местах, но не из-за стремления хозяина к порядку, а из-за очень ограниченного количества предметов. Это была ванная холостяка, где были только бритва, расческа, шампунь, одеколон и зубные щетки. Женя распаковала одну щетку, не спросив хозяина – перебьется. Монстр в зеркале стал чуть симпатичней, бледно синего цвета. Женя отвернулась от него и пошла на кух-

ню. Запах свежесваренного кофе ее порадовал. Хотя что-то хорошее за это ужасное утро.

Хозяин квартиры внимательно посмотрел на девушку и невольно спрятал глаза. Без косметики на лице, в его большом халате она выглядела юной, беззащитной и очень привлекательной. Ей с одинаковым успехом можно было дать и двадцать и тридцать лет.

Пока пили кофе, разговор не клеился. Язвить больше не хотелось, а вести светскую беседу с чужим человеком в домашних халатах казалось неуместным.

Когда вышли на улицу, Женя глянула на его машину и, рассмотрев надпись, улыбнулась. Села на заднее сиденье и, ни к кому конкретно не обращаясь, ядовито заметила:

– Такое на машинах зря не напишут.

Он уже начал заводить машину, но вдруг повернулся к ней всем корпусом, почему-то высоко поднял брови и несколько секунд смотрел как на экзотическое животное. Под его взглядом Женя заерзала, а потом извинилась.

В полном молчании они доехали до Жениного дома, сухо попрощались и разошлись каждый по своим делам, надеясь больше никогда не встретиться.

ГЛАВА 2. За счастье нужно бороться

Дома Женя первым делом позвонила на работу и сказала, что задержится. Можно было бы, конечно, устроить себе выходной, пить аспирин и жалеть себя. Но она была уверена, что мыслить нужно конструктивно, поэтому на переживания выделила себе один час. Сбросив вчерашнее ненавистное платье неудавшейся невесты и облачившись в уютный халат, Женя сварила себе кофе, уже не такой крепкий, как варил ее утренний знакомый. Вспомнив о нем, она снова разозлилась, постаралась успокоиться, перевела дыхание и задумалась. Переживаний для нее достаточно. Из-за чрезмерной чувствительности, собственной слабости и глупости люди и попадают в такие ситуации, просыпаются в чужих квартирах и ничего не помнят. Надо сказать судьбе спасибо, что ночное приключение закончилось именно так и никак иначе. Поразили Женю три вещи. Первое: за все утро она ни разу не вспомнила про предателя Дмитрия. Это отчасти объясняется необычной эмоциональностью по отношению к вчерашнему спасителю. И это вторая удивительная вещь. Еще никому в жизни не удавалось настолько вывести ее из себя. И третье, она оказалась настолько невоспитанной, что за все утро из вредности даже не спросила его имени.

Впрочем, он тоже до знакомства не снизошел. Теперь остается только вычеркнуть этот неприятный эпизод из памяти и жить дальше. Нужно решить, как быть дальше с Дмитрием. Но об этом думать нужно тщательно, в специально отведенное время и на свежую голову. Удивительным было и то, что ни головная боль, ни бессонная ночь, ни алкогольная интоксикация не привели сегодня к затяжным переживаниям на тему непостоянства мужчин.

Раздался звонок телефона. Сердце Жени встрепенулось – а вдруг, это Дима – схватила трубку и холодно произнесла:

– Слушаю...

– Женечка, доченька, ну что же ты не звонишь? Уже девять часов. Я же сгораю от нетерпения! Ну как вчера все прошло? – игриво спросила мама.

– Мам, прости, ну никак не могу сейчас разговаривать, я на работу опаздываю, – Женя энергично вскочила со стула и принялась изображать бурную деятельность, как будто мама могла ее видеть, даже слегка запыхалась.

– Ты еще дома? Пропала! Ты проспала! Вот и замечательно. Ну, в двух словах...

– Мам, давай вечером, никак сейчас не могу. Бегу. Пока-пока. Целую! – Женя быстро положила трубку. Врать маме было стыдно, недоговаривать малоэффективно. Теперь мама обязательно примчится вечером спасать любимое дитя. И как-то сразу стало себя жаль... Но надо спешить на работу.

Рабочий день начинается в девять утра, время спешит и не хочет остановиться, подождать, пока мы выспимся, позавтракаем и настроимся на работу.

Ровно в десять часов, с опозданием на один час, Женя вошла в офис, который уже стал ей вторым домом и не испытала обычного удовольствия. Ей казалось, что сотрудники замечают синяки у нее под глазами, а сотрудницы отсутствие колечка на безымянном пальце. Хотя Женя не афишировала свои матримониальные планы, Дима настолько часто являлся к ней на работу, что уже считался здесь за своего, почти полноценного Жениного мужа. Регистрация семейных отношений – это просто формальность. Лучше, конечно, когда эта формальность соблюдена.

Женя зашла к себе в кабинет, тут же на пороге появилась ее коллега и по совместительству заклятая подруга Лена Фоменко.

– Салют! Чего это ты опаздываешь? Шеф куда-то послал? Кофе будешь? Я сейчас принесу, давай кофе выпьем, а то глаза не раскрываются.

Лена, тридцатилетняя особа, симпатичная, очень энергичная блондинка, находящаяся «в активном поиске». Коммуникабельность Лены была развита чрезвычайно, собеседнику было легко с ней общаться, он мог не отвечать на ее вопросы или вообще отсутствовать, она могла и не заметить. Лена демонстративно сладко зевнула и тут же бодро продол-

жила:

– Я тебе сейчас такое расскажу! Я в прошлую субботу познакомилась с таким мужинкой. Красавчик! Вылитый Джастин Тимберлейк. Такой глазастенький, упакованный, на машинке солидной. Мы с ним слегка посидели в баре, он телефон мой попросил, я дала, но интерес свой, естественно, не показываю. Но чувствую – он запал! Короче, вчера позвонил. Я так слегка поломалась – на работу завтра и так далее. Но уговорить себя позволила. Ты не поверишь! Мы с ним за ночь в трех клубах были! Я просто с ног валюсь, – она томно закатила глаза, – утром его еле выставила. Думаю, это все просто так не закончится, это начало чего-то большого и светлого. Чувствую, это мой мужчина.

Про обещанный кофе Лена совершенно забыла. Потом сфокусировала взгляд на Жене и как будто, обнаружив в ней изъян, критически протянула:

– А, кстати, почему твой Димочка тебя так редко выгуливает? Что денег не хватает? Расскажи, как там наш Димон поживает?

У Жени сегодня не было настроения слушать про Ленкины приключения. С периодичностью в один-два дня та встречала глазастенького Тимберлейка или плечистого Форда в соседней с домом забегаловке и начиналось «большое и светлое». Поэтому Женя сделала вид, что ищет какие-то бумаги, но Лена не отставала:

– Что-то ты вялая какая-то сегодня и мешки под глаза-

ми... У меня косметолог хороший есть.

Она прищурилась, пытливо вглядываясь Жене в лицо, и утвердительно сказала:

– Вы поругались! И из-за чего же? Ты ему сахар в чае не размешала или макароны в супе разной длины оказались?

Лена, сделав вывод о сложностях в отношениях Жени и Дмитрия, тут же приняла пренебрежительно-наставительный тон:

– Ты, Жень, не обижайся, но мужики таких женщин как ты не любят. Ты слишком пресная. А им нужны эмоции, даже не всегда положительные. Нужен накал страстей, водоворот чувств. Это он еще долго с тобой продержался.

– Лен, ты за кофе идти собиралась. И не придумывай мне проблемы, а то накаркаешь еще. Ты же прекрасно знаешь, что с Димой поругаться практически невозможно. Он в командировку уехал. Его несколько дней не будет. А я уже соскучилась и, кажется, немного простыла. Ты бы держалась от меня подальше, а то всякая там воздушно-капельная инфекция...

– Зараза к заразе не пристаёт, – но Лена все-таки отодвинулась подальше.

Женя, зная, что Лена только на словах опытная искусительница, про себя ее немного жалела, не обижалась и всегда слушала в пол уха, но сейчас ее слова задели за живое.

– А может быть ты и права, – пробормотала она себе под нос, направляясь к кофемашине. – Давай кофе пить.

Девушки уютно расположились за столом, потягивая горячий ароматный напиток, когда дверь в кабинет широко распахнулась, громко стукнувшись о стену. На пороге стоял Олег Палыч Смоляков, лучший друг шефа и гроза всего офиса. За глаза его называли Жабером, от слова жаба, и было за что. В нем, как в человеке, все было равноценно не прекрасно – и лицо, и душа, и одежда. Толстый, лысый пятидесятилетний дядька с очень плохой кожей на лице, свидетельствующей об отсутствии женского внимания в молодости, и отвратительным характером, развращенным карьерным ростом в налоговой полиции. С владельцем компании «Мой дом» он дружил с детства, тот часто пользовался его услугами и поэтому в офисе Жаберу никто не смел слова поперек сказать. При всей своей внешней неказистости самомнение его доставало до небес.

– Ну что, мурки, кофеём с утра напоите? О, я как всегда вовремя.

Женя невольно скривилась и спряталась за чашкой с кофе, кажется, она сегодня жива только благодаря этому благородному напитку. Лена сделала слабую попытку избавиться от гостя:

– Олег Палыч, напоим, но у нас из автомата кислятина, а вы – гурман, такую гадость не пьете.

– Так сгоняй к шефу, его старая секретутка сварит, а ты принесешь.

– Олег Палыч, работы много, некогда мне по этажам бе-

гать...

– Иди, иди, работа не волк, ляшки растрясси. А мы тут с Женькой пошепчемся.

Смоляков грузно опустился на стул прямо напротив Жени, навалился на стол, поставив локти прямо на документы.

– Ну, рассказывай, Солнце...

Лена немного помялась на пороге и пошла за кофе.

– Да какие у нас новости, Олег Палыч, – Женя откинулась на спинку стула, чтобы быть подальше от собеседника.

– Ну, меня, например, интересует твой цвет лица. Я бы даже сказал, беспокоит. Что-то ты бледноватая, сероватая, бледновато-сероватая, – он усмехнулся, наклонился ближе, всматриваясь в лицо Жени. – Мешочки под глазами. Но я знаю, как тебе помочь!

– Действительно?

Женя вдруг всерьез запаниковала. Сегодня все ей указывают на плохой цвет лица и мешки под глазами. Захотелось срочно посмотреться в зеркало, убедиться, что все не так уж плохо и вполне поправимо – достаточно хорошо выспаться. Но у Смолякова были другие планы на этот счет.

– Знаю я одно местечко. Представь, озерцо небольшое, на нем островок с банькой березовой. Не какая-то там сауна! А настоящая баня, деревянная, попаришься, а потом голышом в озеро! Вода, воздух!

Палыч мечтательно закатил глаза:

– Я бы тебя веничком так оприходовал, – и гаденько за-

смеялся своей двусмысленной шутке, – как раз то, что надо для твоей фигуры. В пятницу едем!

– Олег Палач, вы так здорово рассказываете, мне очень хочется с вами поехать. Пожалейте меня, не соблазняйте такими предложениями. Вы же знаете, я скоро замуж выхожу, а поскольку я невеста не первой свежести, то и рисковать никак не могу. Вдруг меня будущий муж приревнует и замуж не возьмет? Кому я потом нужна буду? Я знаю, что вы человек порядочный и ничего эдакого в виду не имеете. А вот мало ли что злые языки скажут? Вы ж на мне потом не женитесь...

Он уже не в первый раз донимал ее предложениями типа «выпить и помыться». И Женя каждый раз мягко отказывала Смолякову. Ссориться с ним было себе дороже: натура у него подлая, а начальник дружбой с ним очень дорожит. Женя, конечно, тоже ценный сотрудник, но плохой мир лучше, чем хорошая война.

– Так мы ж с тобой никого в известность ставить не будем. Я да ты, да мы с тобой, – Жабер уже навалился на половину стола.

И тут, наконец, вернулась Лена:

– Ваш кофе, Олег Палыч.

– Ты, Ленка, сильно быстро ходишь. Давай свой кофе. А ты, Солнце, подумай. Я больше трех раз не предлагаю. Пожалеешь, – то ли предупредил, то ли пригрозил Смоляков Жене.

После того как незваного гостя проводили, Лена сказала:

– Он так просто не отстанет. Нужны очень веские причины. Конечно, ничего страшного, но начнет шефу наговаривать, а ведь «вода камень точит». Ты ему скажи, что у тебя Димка очень ревнивый, каждый день тебя после работы встречает. А Димка пусть действительно встречает. Ты ему все как есть расскажи – и тебе бонусы, как привлекательной женщине и Димка у тебя не Отелло, выяснять отношения к Жаберу не полезет. Как идея, подходит?

– Хорошая идея, я так и сделаю, – отстраненно сказала Женя, ниже склоняясь над бумагами. Если Смоляков появиться здесь еще раз, она может не сдержаться и послать его далеко и всерьез. Даже ее терпение не безгранично.

Никогда еще работа не была настолько тягостной, а рабочий день бесконечным. Женя находилась в напряжении, с чрезмерным энтузиазмом она приступала к решению самых незначительных рабочих вопросов, но внимание быстро рассеивалось, сосредоточиться не получалось. Вернулась утренняя головная боль. Опять не к месту вспомнился нахальный тип, в квартире которого она проснулась, приступами накачивал стыд. К вечеру Женя совсем обессилела. Фоменко отпросилась домой пораньше и как только Женя осталась наедине с собой, полились слезы, чем больше она пыталась их сдержать, тем больше они лились. Пришлось даже замкнуться в кабинете и постараться в конце дня уйти последней, так меньше был риск попасться кому-то на глаза. Не могло быть

и речи показаться в таком виде у родителей. Из последних сил Женя собралась и позвонила маме.

– Мам, я сегодня к Тане иду, ее Вовка на дежурстве, а у нее какая-то очередная депрессия, я у нее переночую. За меня не волнуйся, завтра я точно к вам приеду.

– Женечка, у тебя все в порядке? Вчера... Ты заскочи к нам на минутку, а потом иди к Тане. Я рулет с орехами испекла, возьмешь Тане к чаю.

Мама беспокоилась и пыталась что-то прояснить, уловить тревожные нотки в голосе дочери, затягивала разговор. Татьяна жила по соседству с Жениными родителями, зайти и успокоить маму было бы правильно. Но Женя представила мамины глаза, проникающие в самую душу и поняла, что истерики не миновать.

– Все хорошо, мам. У нас с Димой получилось не совсем так, как я планировала, но ведь даже я иногда ошибаюсь, – она попробовала пошутить, надо было срочно сворачивать разговор, чтобы снова не разреветься. – Я тебе все-все завтра расскажу, а сегодня у нас с Танькой девичник. Алло! Мам! Что ты говоришь? Я плохо слышу. Сегодня связь плохая, я перезвоню.

Лучше уж пусть мама немного поволнуется от неведения, чем увидит истерику любимой дочери.

В свою квартиру возвращаться тоже не хотелось. Эта квартира такая долгожданная, с трудом заработанная еще не стала домом. Так как большая часть Жениных доходов ухо-

дила на погашение ипотечного кредита, денег хватило только на самый скромный ремонт, мебель оказалась недостижимой пока роскошью. Было только самое необходимое: на кухне – печь, мойка, холодильник, стол и старый родительский пенал для посуды, в гостиной – компьютерный стол, шкаф и любимый диван с горой подушек, спальня пустовала. Но до сих пор этого было вполне достаточно. Ведь Женя планировала строить семейное гнездышко в квартире Димы. А свою, скорее всего, пришлось бы сдавать. Сегодня вечером захотелось домашнего уюта и тепла, поэтому Женя забрала машину со стоянки у вчерашнего ненавистного ресторана и поехала страдать к Тане.

Танька, увидев на пороге шмыгающую носом подругу, сочувствия не проявила, с чрезвычайным неудовольствием на лице раскрыла дверь шире. Затем повернулась спиной к госте и пошла назад на кухню, на ходу бросив:

– Надеюсь, все живы?

Дело в том, что Танька совершенно не боялась всяческих жизненных передраг, таких как потеря работы, разбитая машина, разорившийся банк и потеря крупных вкладов, измена любимого мужа (тьфу, тьфу, тьфу) и т.д. Ее пугали только глобальные события, на которые она лично повлиять не могла, хотя обязательно попыталась бы – цунами, метеоритный дождь, извержение вулкана, и как следствие необратимая потеря близких. Все остальное она могла изменить или хотя бы пережить.

– Все живы, – ответила Женя, переобуваясь в тапочки.

– А по какому поводу сопли?

– За что я тебя люблю, Танька, так это за твое понимание, сочувствие и бесконечное гостеприимство.

Однако, помимо воли Женя взяла себя в руки.

– Не обижайся, – мягче сказала Татьяна. – Это я на Вовку злюсь и по инерции на всех срываюсь.

– А он что, дома?

– На дежурстве. Я ему бутерброды и термос с кофе собрала. Да вот в руки сумку не вручила, на пороге прямо перед дверью поставила, чтобы не забыл. Так он, представляешь, через нее споткнулся, перешагнул и все равно забыл! Ну что за человек! Где мне на них терпения набраться.

По мере увеличения стажа семейной жизни у Татьяны стала проявляться некоторая сварливость. Она объясняла это слишком долгим сидением дома. Действительно, ее деятельной натуре не хватало самореализации. Но что делать, если замуж она вышла в тридцать лет и до тридцати пяти по-стахановски выполнила свое женское предназначение, родив двоих детей – Вовку-младшего четырех лет и Екатерину полутора лет от роду. При отсутствии бабушки-дедушкиной помощи она была вынуждена четвертый год сидеть дома. Это не могло не сказаться на характере. Муж ее, Вовка, нерядовой хирург, семью свою обожал, в слегка располневшей Таньке видел писаную красавицу с покладистым характером. В целом, они были предметом белой зависти для Жени и од-

новременно полным опровержением ее концепции построения семьи. Но не бывает правил без исключений.

У Таньки можно было отдохнуть душой. А ее некоторая грубость как ничто другое могла привести Женю в чувство и заставить трезво оценивать ситуацию.

Подруги прошли на кухню. За большим круглым столом сидели дети. Вовка-младший рисовал фломастерами не понятно что, но с большой производительностью. А Катюша, сидя на высоком детском стульчике, как настоящая леди кушала йогурт из баночки.

– Присоединяйся, – пригласила Танька. – Тебе фломастеры или йогурт? Все-все-все, больше не буду! – Замахала она руками в ответ на укоризненный взгляд Жени. – Сейчас детей уложу спать и ты мне все расскажешь. Сделай нам чайку, пожалуйста. В холодильнике торт остался и, кстати, Вовкины бутерброды доедим, не пропадать же.

Домашние хлопоты отвлекли Женю и через час они сидели под абажуром на кухне, пили чай, и Женя смогла рассказать обо всем, что произошло.

– Ну, мерзавец, негодяй, подлый предатель, – слова Тани бальзамом лились на душу. – Жень, я бы такой фортель скорее от своего Вовки могла ожидать – вечно у него эмоции зашкаливают, но от твоего Димы – никогда! Уж такой он у тебя идеальный. А какими глазами на тебя смотрел, какой внимательный, нежный. Если это не любовь, тогда я не знаю!

Таня задумалась:

– А может у него что-нибудь не в порядке? Может быть, он заболел страшной болезнью и решил дать тебе свободу, чтобы ты не видела его умирающим. Или эта Любовь его шантажирует, она изголодавшаяся старая дева и хочет его на себе женить. А может он маньяк? И в перерывах между рецидивами, он страдает и боится причинить тебе зло.

Женя невольно улыбнулась:

– Тань, у тебя как всегда, если уж возникают гипотезы, то космического масштаба. По мелочам ты не размениваешься. Ты бы видела его сияющие глаза, когда он про Любу говорил! Любовь Голицинская! Прямо, Королева Английская, не иначе! У него от восторга дыхание перехватывало. Он влюбился, тут и гадать не о чем. А старая дева – это я.

– Ты – красавица! А ты эту Любовь-то видела? Что там за чудо? Может быть не так уж там все серьезно? Ты что делать думаешь? Оставить все как есть или меры какие-нибудь принять?

– А что тут можно поделаться, если он меня разлюбил.

– Разлюбил – не разлюбил! А ты его любишь? Только не торопись, себе ответь.

– Конечно, люблю, что ж я столько времени с ним вместе, – быстро ответила Женя.

– Ну, да... – качала головой Таня. – Тут тебе ничьи советы не помогут. Механизм такой: ты для себя должна решить, нужен он тебе или нет. Если ты свою жизнь только с ним видишь, тогда прости его и попробуй вернуть. Пом-

нишь, я тебе рассказывала про медсестру в Вовкином отделении. Ну, мы еще женаты не были, – напомнила Таня, – такую блондинку в невесомом халатике. Вовка на нее глядел и прямо слюни пускал. А я тогда ему лучшим другом была. Все его откровения выслушивала, советовала, понимала. Не могла же я ему прямо сказать: «Ты, Вовка, мне больше подходишь, а эта блондинка тебя не оценит, к ней такие вовки в очередь выстраиваются каждое дежурство». Вместо этого говорю: «Ты, Владимир, не теряйся. Девушки сюрпризы любят – у нее день рождения, а она дежурит, бедняжка». Вовка и пошел поздравлять, а ее в ординаторской заведомо уже и поздравил и свечку задул. Вовка тогда так переживал, что дураком себя выставил: они, понимаешь, на рекорд шли – «Кама-сутра» отдыхает – а тут он с розочками и тортиком. Вся любовь прошла за пять минут. Зато до сих пор гордится тем, что меня, честную девушку, соблазнил.

– Что тебе сердце подсказывает? – уже серьезно спросила Таня, вглядываясь в лицо подруги. – Может и не нужен он тебе вовсе?

– Нужен, Таня, – тверже сказала Женя.

– Ну, тогда еще не все кончено. Вы с ним долго вместе, а это чего– то стоит. Если бы жены мужьям каждый раз вольную давали как они накосячат, так про институт брака только в учебниках истории писали бы.

Как всегда бывало рядом с Таней, к Жене возвращалось душевное равновесие и вера в лучшее будущее. И, как все-

гда, всколыхнулось чувство легкой белой зависти к семейной подруге с ее каждодневными домашними заботами и хлопотами о любимых и любящих. Но, к счастью, сил физических для переживаний у нее уже не было и в эту ночь она быстро заснула на Танькином скрипучем диване.

Когда на следующий день Женя приехала к родителям, она уже была почти спокойна. Мама, конечно, уже догадалась, что замужество любимой дочери откладывается по неизвестным пока ей причинам. Ирина Степановна всегда сердцем чувствовала, что требуется в трудный жизненный момент ее родным: сочувствующий или даже жалостливый взгляд, крепкое словцо или нужно сделать вид, что ничего не происходит. Последнее сейчас требовалось Жене. Отцу было велено никаких вопросов не задавать и вести себя как обычно. Для Алексея Ивановича главным было то, что руки-ноги-голова у дочери на месте, а все остальное поправимо. Тонкой душевной организацией он не обладал и в части семейных отношений полностью полагался на мнение жены, сдерживать любопытные взгляды не мог, но помалкивал.

Семья поужинала. За столом родители беседовали и за себя и за дочь. Потом Женя ушла в свою бывшую комнату, в которой уже много лет ничего не менялось.

Мама пришла через полчаса, присела на край кровати и спросила:

– Жень, я бы хотела знать, что произошло у вас с Димой.

Конечно, если ты захочешь рассказать. Что так тебя расстроило?

Женя, лежавшая на кровати, резко села. Она только и ждала этого вопроса.

– Мам, как ты считаешь, после стольких лет знакомства, после пяти лет совместной жизни были ли у меня основания думать, что он меня любит? Был ли у меня повод рассчитывать на узаконивание отношений с Димой?

– Наверное, да...

– Нет, мама, ошибаешься!

Женя почувствовала, что ведет себя как обиженный ободленный ребенок и это пугает маму. Надо было это все позавчера в ресторане Диме высказывать, а перед родителями шашкой махать ни к чему. Она сделала паузу, положила голову маме на плечо и продолжила уже спокойно:

– У нас, оказывается, никакой любви не было. Он только теперь узнал, что такое любовь! Завел какую-то девицу месяц назад и уже подал с ней заявление, – Женя устало вздохнула. – У меня нет слов для возмущения.

– Доченька, но как же это... Дима не мог так поступить. Он на редкость порядочный маль...мужчина. Это совсем на него не похоже. Он такой... рассудительный.

– Вот именно, а теперь у него помутнение рассудка. Надеюсь временное.

– Ничего, свет клином на нем не сошелся. Он сам не понимает, чего лишается. Знаешь, говорят, что Бог не дает все

к лучшему. Слишком вялотекущие у вас отношения...

Ирина Степановна бросила взгляд на дочь и осеклась, это было не совсем то, что хотела слышать Женя. Она и не услышала.

– Мам, ты не понимаешь? Какая страсть!?! Мы же не подростки! Он идеально подходит мне как муж, у нас схожие взгляды, интересы, мы не раздражаем друг друга. Я к нему привыкла. Я всегда знаю, что он думает... ну, почти всегда. Мне с ним спокойно.

Женя, как по списку, обосновывала необходимость брака именно с Дмитрием. Не один день обдумывала.

– Мама, мне тридцать три, ты слышишь?! Да у меня просто нет времени искать мужа! Мне нужны муж и ребенок. А детей от первого встречного не рожают, это же не в магазин за сметаной сходить. И потом, чем я хуже этой женщины? Он пять лет не мог со мной до загса дойти, а тут за месяц заявление подал. Я себя чувствую униженной.

– Ты себя послушай, ты не мужа выбираешь, а на рынке коня со всех сторон рассматриваешь! Сама себе честно признайся – ты ведь Диму не любишь. Ты убедила себя, что он подходит тебе для семейной жизни по выдуманной тобой же критериям и идешь к намеченной цели.

Мама встала с кровати, прошлась по комнате, потом присела перед Женей на корточки, как перед маленькой, взяла ее руки в свои:

– Женька, ты пойми, мы ведь просто люди, со своими сла-

бостями, комплексами, горестями, надеждами. Мы от этого ни плохие, ни хорошие. Даже ты можешь ошибаться. Ты решила, что тебе подходит только Дима, но ведь он не совершенен, в конце концов. Может быть миллион причин для вашего расставания, с которыми ты усилием своей воли никак справиться не сможешь. А вдруг у него какого-то мужского гормона не хватает и у него детей не будет? Ты же у него справку не брала. Раз уж столько преград становится на пути ваших отношений, может быть, стоит отпустить эту ситуацию? Просто пусть все само собой происходит.

– Может быть ты и права, но я надеюсь, он одумается. Многие мужчины налево ходят, а жены прощают. А Дима, во всяком случае, всё мне честно рассказал.

Женя слышала только себя, а потом повторила заученную фразу:

– Я хочу, чтобы отношения в моей семье строились на любви, уважении и понимании, как у вас с папой.

Ирина Степановна тяжело вздохнула и ответила:

– Напрасно ты нас идеализируешь.

Женя усмехнулась:

– Уж мне ли вас не знать!

Ирина Степановна хотела было что-то сказать, нерешительно взглянула на дочь, но промолчала. Она чувствовала себя виноватой. Вырастила идеалистку! Слишком строга была к дочери в детстве.

11 февраля 2002 года

...Ненавижу, ненавижу! Обещали день рожденья! Я все сделала, как просили: не больше семи человек, квартиру вылизать, уроки заранее, тесто для медовика сама – пожалуйста! Я на все согласна, только разрешите. А они так загадочно улыбались: всё для тебя, только хорошо учишь, только убери, только не разбрасывай, только пиши аккуратно, только, только, только! Всю неделю ломали голову, как от меня отделаться. Как я теперь в школе скажу, что все отменили! У папы сложная ситуация на работе! Можно подумать! Вот если бы он умер, тогда понятно! Лучшие бы сразу сказали – обойдешься без праздника. Я бы ничего не ждала. Как теперь отменить! Я не пойду в школу.

12 февраля 2002 года

Мне 14 лет. Дня рождения не было. Писать не хочу!

15 февраля 2002 года

Папа подарил мне энциклопедию, двенадцатую по счету. Каждый год с двухлетнего возраста он дарит мне новую энциклопедию. Надо отдать ему должное – энциклопедия дорогая. Я думаю, когда мне исполнится восемнадцать, папа сложит мои шестнадцать энциклопедий в чемодан и скажет: «Вот твое приданное, любимая моя дочь. Бери его и иди в большой мир. С таким богатством тебе больше ниче-

го не понадобится!» Лучше бы компьютер купил.

А я их продам, эти проклятые энциклопедии! Хоть какая-то польза от них будет. Ненавижу!

21 марта 2002 года

Отпраздновать мой день рождения мне не разрешили. И к Карасевой не пустили. Ну что ему стоило отпустить меня на этот день рождения! Сегодня воскресенье! Я почти все уроки на завтра сделала. Я бы ночью доучила историю и английский. Все бы успела. Весь класс ходил в кафе и меня в первый раз пригласили к Карасевой! Может, что-то бы изменилось...

Перед ней все девчонки заискивают. Одна я знаю чего она стоит на самом деле – тупая, безмозглая дура. Всегда спит. Дура, дура, корова! Если бы не ее родители, так никто бы с ней не дружил. Все с ней дружат только потому, что у нее всегда деньги есть, она и в магазине может что угодно купить и в парке прокатить и в кафе сводить. Ну и что! Ну и пусть из-за денег! Я бы тоже унижалась, когда все, то не обидно. Зато я всю жизнь в гордом одиночестве. Меня уже вообще перестали замечать, как приведение! Отцу денег на подарок Карасевой жалко, наверное, стало!

А может быть все правильно? Я же знаю, что меня она пригласила только заодно со всем классом. Лично ко мне она не обращалась. Ну и не надо!

9 сентября 2002 года

Все плохо. Не так как всегда, а очень-очень плохо! Чтобы я ни делала, все получается ужасно. Я раскрыла Карасевой секрет, самый большой свой секрет. Я думала, это нас сблизит. И она была такая внимательная, разговаривала только со мной, оставила всех своих подружек, сказала, что у нас с ней столько общего, я особенная, не такая как все, со мной интересно говорить, я могу сопереживать и умею хранить тайны. И мы поделились самыми главными своими секретами, она мне рассказала, что любит Андрея Т. из 8 класса, а я ей сказала, что люблю Славу. А оказалось, что девчонки поспорили, в кого я влюблена, и подслушивали наш разговор в раздевалке. Они смеялись и называли меня – сексигел. А Слава сказал, что такой подлости от меня не ожидал, я его подставила, потому что пацаны над ним теперь прикалываются, а моя влюбленность для него «западло». Как мне теперь в школу ходить? Я больше не пойду в школу никогда!!!

19 октября 2002 года

Ну почему я такая тупая! Может быть, я болею какой-нибудь серьезной болезнью, которая проявляется очень медленно, но не излечима. Так бывает: человек мучается, сильно устает, плохо выглядит, ничего не успевает, а на него все только орут, что он идиот и лентяй, а он потом

раз – и умирает и все сразу: «Ах, как мы были несправедливы и жестоки». Но уже ничего нельзя вернуть назад. Если бы так со мной случилось, то папа до конца своей жизни мучился бы. А может быть нет. Может, я им на самом деле не родная, и они раскаиваются, что в детдоме взяли худшего ребенка, чем могли? Там выбор большой, а они опростоволосились.

Ну что он так на меня орет? Ну не могу я запомнить этих Людовигов и Генрихов. Что за имена дурацкие – Урбан – это же не имя, а издевательство! Пока читаю историю все понятно, а как только на отца глаза подниму, так сразу все забываю. Я плачу, а он орет: «Пока все не выучишь спать не ляжешь!» Даже в воскресенье выспаться не дает – учи-учи!!!

20 декабря 2002 года

В школу больше не пойду. Случилось ужасное – как я могла так расслабиться и заснуть на литературе. Яна Семеновна – Язва Семеновна сказала, что очень рада, что сумела своими сказками меня усыпить и чем это я занимаюсь по ночам. А Славка на весь класс крикнул: «Он...змом!» Даже Язва улыбнулась.

По истории в четверти будет четверка. Тест я так и не написала. Отец сказал, что четыре по математике – это еще можно понять – у меня не математический склад ума. Но по истории четыре может быть только у полного ни-

чтожества.

25 декабря 2002 года

Папа со мной не разговаривает, уж лучше бы накричал и все, но нет – он меня будет душить своим молчанием все каникулы. Он маме сказал так, чтобы я слышала, что при полном отсутствии способностей можно учиться только усердием. Я же и этого не могу. Ему стыдно иметь такую дочь, и он удивляется, как у него могло родиться такое бесполезное и бесталанное существо. Придется учиться. Мама сказала, что я расстроила папу, и она по-дружески советует мне почитать дополнительную литературу, и потрясти папу глубиной знаний. Опять ни погулять, ни поспать.

Мы недавно сочинение писали на литературе «Моя мечта». Я, конечно, про правильную мечту написала – стать доктором и вылечить все человечество. Как они за этот бред оценки ставят? А на самом деле я мечтаю, чтобы мамы и папы не было, а у меня был килограмм конфет «Ласточка» или штуки четыре или пять «Гулливеров». Я бы завалилась на диван и посмотрела «Грязные танцы» или «Красотку» целиком, не отрываясь. А потом заснула и проснулась от будильника, а потому что выспалась.

Подарка, кстати, на новый год не предвидится – не заслужила.

26 декабря 2002 года

Так и буду сидеть в парке, пока не замерзну и не умру. Идти мне больше некуда. Дома одно презрение и упреки. Очень холодно. Руки мерзнут, не могу писать. Прощай, дневник...

ГЛАВА 3. Насмешка судьбы

Когда Денисов вошел в офис строительной компании «Мой дом» его одолели сомнения. Не может быть, чтобы именно здесь спроектировали, а потом воплотили в жизнь загородный дом его друга Ильи Кизилова. Побывав в гостях у Кизиловых, Денисов испытал прилив зависти. Конечно, он не воспылал желанием поджечь элитное строение, но получить собственный домашний очаг, просторный и уютный, с камином, верандой и садом захотелось немедленно. Как человек деловой он обдумывал идею несколько недель. Ему одному дом был не нужен. Квартира гораздо практичней и удобней, требует минимум ухода, расположена близко к работе, но может быть, когда у него будет дом, что-то изменится в жизни и появиться женщина, с которой захочется зимним вечером посидеть перед этим самым камином. Денисов узнал адрес компании, договорился с директором и приехал на встречу.

И, как уже говорилось, сомнения его одолели. Офис находился в центре города. Само здание, построенное в семидесятых годах прошлого столетия, отличалось маленькими комнатами и низкими потолками. Холл вызывал, мягко говоря, удивление. Потолок представлял собой нависающее над самой головой голубое небо с облаками. Высокий Денисов почувствовал себя жирафом, цепляющим ушами об-

лака. Небо резко контрастировало с обоями насыщенного вишневого цвета с золотыми прожилками. На стенах ютились редкие медные светильники с вензелями. Одна стена была от пола до потолка оклеена фотообоями, изображающими снежные горные вершины. Фотообои оригинально заключили в широкую золоченую раму, которая у пола заменяла плинтус. Присесть можно было на кривоногий диванчик Аля-ампир. Создавалось впечатление, что хозяйка этого заведения французская куртизанка века восемнадцатого покинула славный город Париж и поселилась в Приэльбрусье, перенесла туда свой будуар с милым сердцу диванчиком.

Остальные офисные помещения так же стремились совместить несовместимое: оранжевые жалюзи и зеленую штукатурку, вид на ночной Майами в золотой раме и ядовито-розовый гляцевый потолок. Во всех деталях преобладала вульгарная безвкусица.

Только Денисов малодушно решил развернуться к выходу, как навстречу ему выскочил невысокий румяный крепыш в темно-сером костюме и розовой рубашке:

– Господин Денисов, если не ошибаюсь? – спросил он, протягивая руку для приветствия.

– Да, – вынужден был признать Денисов. – А вы, я так понимаю, Алексей Андреевич Барандин, хозяин всей этой ... красоты.

– Вам нравится! – с гордостью заключил Барандин. – Мне это лестно, но не удивляет. Интерьер моего офиса никого не

оставляет равнодушным. Давайте пройдем ко мне в кабинет и потолкуем. Чай? Кофе?

– Кофе, если можно.

– Эльза, кофе нам принесите, пожалуйста. Все в этом офисе лично мои дизайнерские идеи. – Он заговорщицки подмигнул Егору. – Когда вам понадобится дизайнпроект – обращайтесь. Я дизайном просто увлекаюсь, но как видите, не безуспешно. Сейчас редко берусь за заказы, сами понимаете, руководство компанией занимает все время, но для вас с огромным удовольствием...

– Я ценю ваше предложение, но пока до этого еще очень далеко. А архитектурой вы тоже сами занимаетесь? – осторожно спросил Егор и представил гибрид казахской юрты и избушки на курьих ножках.

– Увы, нет. Но у нас есть классные специалисты.

– Я бы хотел, чтобы моим проектом занимался тот же человек, который работал для Кизилова.

– Конечно, давайте обсудим.

Очень сложно понять, чего ты действительно хочешь. А потом уже решать проблему, исходя из желаемого. Женя осознала свои желания и решила правильно расставить жизненные акценты. Сейчас восклицательный знак нависал над головой Дмитрия Огурцова. Его нужно было простить, вернуть и довести до загса. Для устройства личной жизни был необходим отпуск. Нужно привести себя в лучшую физиче-

скую форму – выспаться, сходить к косметологу, не помешал бы и тренажерный зал. Запустила себя, вот Дима и стал на посторонних девиц заглядываться.

Никто, даже шеф, не заслуживает отпуска больше, чем Женя.

Она написала заявление и отправилась к шефу. Но секретарша Эльза Серафимовна попросила подождать:

– Женечка, посиди со мной немножко, у Алексея Андреевича новый заказчик, ценный. Шеф вокруг него так и вьется. Говорят, что этот мужик на бабках сидит, работает как проклятый, все деньги в бизнес вкладывает. А из недвижимости только квартира. Теперь решил строить загородный дом. Наше дело не упустить момент. Уже больше часа общаются. А ты что хотела?

– В отпуск хочу, Эльза Серафимовна. Наверное, я позже зайду.

Новость про выгодный заказ ее не порадовала, это могло осложнить решение вопроса с отпуском – все крупные заказы выполнялись либо лично Женей, либо под ее внимательным руководством.

Но уйти она не успела. На пороге кабинета нарисовался неестественно приветливый начальник, заметил Женю и сразу же к ней обратился:

– Во-о-т, что значит исполнительный и чуткий подчиненный. Я только о ней заговорил, а Женечка уже в приемной. Разрешите вам представить нашего лучшего специалиста –

Евгению Алексеевну Пахомову, начальника проектного отдела, архитектора с большой буквы. Именно она автор дома Кизилова.

Начальник обнял Женю за плечи и бойко балагурил дальше:

– Евгения – человек чрезвычайно ответственный и серьезный. Горит, горит на работе. Доверять можно абсолютно. Не смотрите, что она так молодо выглядит, опыт у нее огромный.

Он развернул Женю лицом к гостю и представил:

– Евгения Алексеевна, а это – Георгий Андреевич Денисов. Его будущий дом – наша приоритетная задача! С этой минуты все заказы отодвигаем на второй план, и ты занимаешься его проектом. Приблизительные сроки мы оговорили, заключаем договор...

Дежурная улыбка медленно погасла на лице Жени. Неужели так бывает! У Кого-то там свыше великолепное чувство юмора и Он решил устроить из её жизни цирк! Заказчиком оказался недавний, но чрезвычайно неприятный знакомый! За долю секунды Женя успела распрощаться со своей репутацией. Этот Георгий Бедоносец сейчас расскажет об особенностях их знакомства, повеселится вместе с начальником: «А мы с ней прекрасно знакомы, она пьет, как гренадер, и утром у меня зубную щетку свистнула».

Однако веселиться Денисов не стал. Казалось, он её вообще не узнал, протянул руку и официально представился:

– Георгий Андреевич. Буду рад сотрудничать.

– Евгения Алексеевна, рада познакомиться.

Женя про себя обозвала его нахалом, прекрасно понимая, что за все время их короткого знакомства он вел себя почти, как английский лорд – сухо и вежливо. «После душа, приглашаю тебя на кофе... отвезу, куда скажешь» – передразнила его, опять же про себя. Даже не узнал её! Это что же получается?! Она при первом знакомстве так ужасно выглядела, что её узнать невозможно! Ну, почему он ее так раздражает? Из нее, как из табакерки черти сыпаться начинают! Пусть ему Кузнецов проект делает, а она идет в отпуск! Заслуженный!

Она невежливо повернулась спиной к Денисову и сказала шефу:

– При всем моем уважении к Георгию Андреевичу, я вряд ли смогу лично заняться этим проектом. Мне необходим отпуск по семейным обстоятельствам с завтрашнего дня.

Барандин не сразу понял, о чем это она говорит, потом сердито сдвинул брови:

– Ты о чем, Солнце? Какой отпуск сейчас? Об этом не может быть речи. У тебя нет никаких семейных обстоятельств.

Последняя фраза больно кольнула Женю в сердце. Она почувствовала себя тягловой лошадыю, предназначенной только работать, одинокой и неполноценной. Ну почему перед этим Денисовым она всегда предстает в самом невыгодном свете!

– Алексей Андреевич, – с трудом скрывая раздражение,

сказала Женя, – я не была в отпуске три года. Простите, что приходится напоминать, но у меня даже выходных практически не бывает. Вы не можете с этим не согласиться. А сейчас мне необходим отпуск. У меня очень веские причины. У нас есть прекрасные специалисты, например, Фоменко или Кузьмин, которые выполняют работу не хуже меня.

– Всё. Не сейчас, поговорим после, – прошипел начальник.

Женя понимала, что выставляет его бесхребетным существом перед значительной фигурой клиента, он ей этого не простит и обязательно отыграется, но остановиться не могла.

– У меня... медовый месяц! Не отпускайте, уйду на больничный.

– Выполнишь работу, и будет тебе медовый месяц целую неделю! – Барандин побагровел. – А сейчас не трепи мне нервы! Все! Свободна!

Денисов скромно помалкивал во время этой перепалки, а потом предложил:

– Алексей Андреевич, я думаю, что это бесчеловечно лишать Евгению Алексеевну медового месяца. Женихи народ не постоянный, ждать не любят, могут и передумать. А мой проект особой спешки не требует. За две недели я дом все равно не построю. Так, что пусть Евгения Алексеевна отдохнет, она явно в этом нуждается.

Женя только рот открывала от возмущения. Выставил ее истеричной бабой.

Шеф, только что расхваливавший деловые качества и незаменимость Жени тут же всё переиграл:

– Совершенно верно, ишь ты! Свет на ней клином сошелся что ли?! Одно слово «баба». Эльза Серафимовна, пригласи Кузнецова к нам...

Эльза Серафимовна потянулась к телефону, но Денисов, придержал трубку:

– Вы мне так нахваливали Евгению, она мне как-то сразу внушила доверие. Так что не будем торопиться. Я подожду ее возвращения из отпуска.

Шеф успокоился, не увидев на лице клиента и тени раздражения и решив, что потеря выгодного заказа ему не грозит, разрешил:

– Хорошо, пусть будут две недели отпуска. Но я ещё подумаю, не поторопился ли я с твоим назначением начальником отдела.

– И это спустя три года работы в должности начальника отдела, – пробормотала себе под нос Женя.

– Что?! – опять стал заводиться шеф.

– Спасибо, говорю, Алексей Андреевич, – громче сказала она и, повернувшись к Денисову, не удержалась:

– Меня зовут Евгения Алексеевна, Евгения я для близких и друзей! До свидания!

Ушла, хлопнув дверью, слегка. Успокоиться удалось не сразу, минут двадцать курила на лестнице. К ней присоединилась Эльза Серафимовна. Немолодая «офисная мама»,

как называли ее сотрудники, искренне переживала:

– Где ты сигареты взяла? Ты же не куришь!

– У Фоменко в столе. Не курю и не пью, – горько усмехнулась Женя, – но пустырника у меня с собой нет, а успокоиться надо, пока ещё бед не натворила.

– Ну, ты даешь, Жень! – согласилась Эльза. – Первый раз вижу тебя такой заведенной. Какая муха тебя укусила? Чего ты на этого Денисова взъелась? Нормальный мужик. Ты же не знаешь даже, что он строить собрался. Там заказ на такую сумму! Клиентов нужно беречь. Ты ему улыбнись лишний раз для пользы дела. При его доходах можно позволить себе многое. Хотя, чудаковатый все-таки немножко. Представляешь, спросил у меня, не злоупотребляешь ли ты алкоголем? И как у тебя правописание? А то, говорит, у молодежи нынче правописание хромает! Кстати, не женат... – доверительно протянула Эльза.

– Знаю! Да причем здесь правописание? – слишком громко и быстро возмутилась Женя, потушила сигарету и отправилась приводить дела в порядок перед отпуском.

– Откуда знаешь-то? – покачала головой Эльза. – Кстати, то, что он ее в пьянстве заподозрил, её не возмущает.

На выходе перед дверью офиса Денисова остановил лысоватый не очень опрятный мужчина, лет сорока:

– Георгий Андреевич, позвольте украсть у вас несколько минут. Моя фамилия Кузнецов, я ведущий архитектор этой

фирмы. – Он сделал ударение на слове ведущий.

– Слушаю вас, но если можно не долго, я тороплюсь, – остановился Егор.

– Конечно-конечно, при вашей занятости, вашем объеме работы. Я случайно оказался в курсе ситуации с вашим заказом. Ведь это не правильно заставлять такого человека как вы ждать. Я мог бы быстро выполнить работу с учетом всех ваших пожеланий. И потом... мне неловко говорить, но Евгения Алексеевна не всегда аккуратна в работе, часто делает ошибки. Я считаю своим долгом предупредить... – он замаялся, – мы не могли бы поговорить в более спокойном месте?

– Нет, меня все устаивает. До свидания, – резко сказал Егор, который понял, что Кузнецов часто дежурил у дверей приемной начальника для того, чтобы быть «в курсе», как сейчас дежурил у двери офиса, чтобы подсидеть коллегу.

В отличие от Жени, настроение у Егора после визита в строительную компанию резко улучшилось, появилось предчувствие чего-то нового, захватывающего.

– Видели бы вы свою чрезвычайно серьезную и ответственную Женю два дня назад, – подумал он и даже вслух рассмеялся. Настроение было прекрасным.

С отпуском вопрос решился. Следующим и самым сложным пунктом в Женином плане было прощение, полное и безоговорочное. Конечно, для этого потребуется время, все же она не робот, а живая глубоко оскорбленная женщина.

Но без прощения никакого будущего с Димой быть не могло. Для того чтобы убрать с души камень обид, Женя рассуждала приблизительно так: что такого страшного и непоправимого он, собственно, совершил? Изменил? Предал? Ерунда! Любой психоаналитик скажет, никто никому ничего не должен в этой жизни. Родители не должны жертвовать своей личной жизнью ради любимого чада: не хочешь читать сказку малышу на ночь – не читай, пусть баранов считает; надоел супруг – отец (мать) ребенка – заводи нового, ребенок вырастит, поймет. Выросшие дети не обязаны тратить драгоценное время на заботу, помощь и задушевные беседы с родителями. «Позвоните родителям!» – позвонил? Достаточно. Какой-токой сыновний долг? А мужа и жены имеют право оставлять друг друга и лететь за своей мечтой, невзирая на болезни, депрессии, безденежье или отсутствие крыши над головой у бывшей половины. Ведь жизнь одна и нужно взять у неё по максимуму и любовь, и секс, и карьеру и деньги. А хочешь – просто седи на скамейке, семечки лузгай да подставляй физиономию солнышку. А что? Моя жизнь – что хочу то и делаю! Хотите, кормите меня, одевайте – это ваше дело, я вас не просил.

Дима ничего не отбирал у сырых и убогих. Он просто влюбился. Все честно.

И Женя, в свою очередь, имеет право на собственные желания. Они у нее четко оформлены и отредактированы. Она не будет жить по наитию, не будет полагаться на судьбу. Ей

нужен Дима. Часики биологические тикают, душа болит в одиночестве.

Позиция ясна.

«Теперь нужно узнать врага в лицо, определить его слабые стороны», – рассуждала Женя-стратег. Женя-женщина хотела ответа на простой вопрос: «На какую лахудру он меня променял?»

Разведывательная операция была назначена на вечер понедельника. Женя припарковалась неподалеку от агентства недвижимости «Крепость», где работал Огурцов. Был риск не застать его после работы, но чаще всего все агенты старались часам к шести попасть в офис на планерку. Около шести часов подъехал Дима, бодро насвистывая, поднялся в агентство. До семи шло совещание, потом он сел в свой автомобиль и покатил в центр города. Женя, соответственно, за ним. Небольшая остановка была у цветочного ларька, затем у супермаркета, в пакете с покупками угадывались очертания винной бутылки. Целью поездки оказался старый семиэтажный дом в центре, в тихом Краснопартизанском переулке. Раньше здесь селились местные партработники высшего звена и научная элита. Дом был красивый, с большими арочными окнами, широкими подъездами, витыми лестницами и высокими потолками. Квартиры были тоже не многогабаритными. Судя по вину и цветам, приобретенным Огурцовым, в этом доме и жила Любовь. Дима оставил машину и легко взбежал на третий этаж.

– Лифт дожидаться не стал, торопится к Любви, – зло подумала Женя.

Окна в освещенных подъездах давали возможность разглядеть даже дверь квартиры, куда он зашел. Женя недолго, около десяти минут, посидела в машине у подъезда и поехала домой. Было абсолютно ясно, что Дима останется здесь до утра.

Так и оказалось. Утром Женя снова занялась слезкой, явилась к вышеуказанному дому. На работу Огурцов ходил по собственному графику, подстраиваясь под интересы клиента. Мог поехать на показ объекта продажи в семь часов утра, а мог и после обеда. Женя была на посту в восемь. Машину поставила так чтобы видеть автомобиль Дмитрия, но сидеть и выжидать не стала. Терпение ей изменило, и Женя решила зайти в подъезд и попытаться что-то увидеть или услышать. Так делают в кино, но ей не повезло или, наоборот, повезло, и она едва успела прижаться к стене этажом выше, как Дима и Любочка вышли из квартиры. Дима открывал и закрывал дверь, улыбался во весь рот, поддерживал под локоток пухлую красавицу с ярко накрашенными малиновыми губами.

Они вошли в лифт, из шахты лифта до первого этажа доносились Димино приглушенное «бу-бу-бу», всплески Любочкиного хихиканья и притворное «Не здесь!» и «Люди увидят!»

Женя тоже поспешила вызвать лифт. В кабине преды-

дущие пассажиры оставили обильный букет запахов: резкий Димочкин «Феррари», какие-то неузнаваемые приторно-сладкие духи Любы смешались с неприличным запахом, издаваемым пакетом с мусором. К сожалению, наши лифты очень плохо проветриваются.

– Мусор ей выносит! А я его никогда не заставляла выносить мусор. Развонялись тут.

Задышавшись, Женя выскочила на улицу. Она даже забыла спрятаться от любовников. Но, к счастью, они ничего вокруг не замечали. Зато бабушки, с раннего утра дежурившие на скамейке, неприязненно покачали ей вслед головой.

Посидев в машине и успокоившись, Женя подвела итог утренней засаде:

– Любочку я хорошо рассмотрела. Простушка какая-то. Только, что мне это дает? Даже в угоду Диме я не смогу так растолстеть и вульгарно одеваться. Наверное, остается только ждать, пока у него это пройдет. Сейчас он увлечен, но у него прекрасный вкус и он обязательно скоро увидит все ее недостатки. Долго она его не удержит.

Женя невольно скривилась, чувство тошноты и какой-то брезгливости не проходило, то ли от противных запахов, то ли от собственного поведения.

Что-то с прощением не ладится...

ГЛАВА 4. Слишком много неприятностей для одного дня

Человека классифицируют гораздо чаще, чем животных. Куда там несчастным зверушкам до нас? Что там у них – отряд, вид, подвид? А людей разделили по расам, национальностям, типам характера, психологическим особенностям, даже цвету волос и глаз. Но только не Любочку Голицинскую! Ее классифицировать нельзя! Она одна такая, единственная и неповторимая. Цвет волос меняет под настроение с каждым мытьем головы. У нее даже тон голоса повышается или понижается в зависимости от длины юбки. Ее можно назвать просто «Счастливая Женщина». Именно так с большой буквы. Она живет сердцем, а в людях видит только то, что хочет. Ее внешность можно охарактеризовать двумя словами – просто прелесть. Люба – красавица с русой косой, пышной грудью и осиной талией, белолица, белотела, кровь с молоком.

Девушка выросла в деревне. Но это совсем не значит, что в детстве она в пять утра доила корову, затем шла в школу шесть километров в распутицу, а вечером при лучине штопала вязаные носки. Она росла на натуральных витаминах и свежем воздухе.

Любочка была единственным ребенком в семье обычных

сельских тружеников, где кроме мамы и папы были две бабушки и два дедушки. Бабушки ее к корове не подпускали, «шо бы руки не разлапились», в огород не гнали, «а то с лица черная будешь» и вообще «успеешь еще наработать-ся». Дедушки соревновались, чей подарок лучше и дороже. Мать велела умываться молоком и протирать лицо огурцом. А отец не разрешал будить рано. И сама Люба девушка со вкусом, букву «г» произносила правильно и сиреневые цветы на розовой кофточке не носила, телевизор смотрела регулярно и подать себя могла и как Аллу Пугачеву, и как Эдит Пиаф. Была очень артистичной. Изображала принцессу и нищенку одинаково успешно. Поэтому в обществе и тех и других чувствовала себя комфортно. Она не платья подбирала под себя, а себя под понравившееся платье.

Холили и лелеяли ее до восемнадцати лет. А затем наша красавица влюбилась в приезжего аспиранта и укатила с ним в город. Аспирант был не сильно состоятельный, но жилье свое имел. Прожили они с Любочкой в любви и согласии три года. Потом она снова влюбилась, а что делать – сердцу-то не прикажешь. Ничего с Аспирантом делить не стала и ушла к Кабанову. Кабанов был старше ее на семь лет. Уверенный, сильный, блатной, не знающий слова «нет» Кабан. Но и в этот раз счастье длилось недолго, всего два года. Его посадили за грабеж и хулиганство. Люба даже самой себе боялась признаться, что была этому рада, потому что блатная романтика ей уже порядком надоела: рестораны, меняющие-

ся квартиры, ночные гости. Сегодня густо, завтра пусто. Люба быстро с Кабаном развелась и через год вышла замуж в третий раз. Ей было двадцать четыре, а Антону Игоревичу Голицинскому сорок три. Голицинский смог дать Любе все, чего она была лишена, покинув родительский дом – стабильность, заботу, достаток, спокойствие. Он занимал высокий пост в администрации города, имел пятикомнатную квартиру, дачу, две машины. И ко всем перечисленным достоинствам считался красавцем в своей возрастной группе – подтянутый, благородная седина в висках, всегда со вкусом одет, даже дома. Любочка сама в счастье купалась и ему жизнь как солнышко осветила. Очень они друг друга любили, целых пять лет. Антон Игоревич умер от сердечного приступа на глазах молодой жены, прямо на брачном ложе. Люба тогда совершенно растерялась. За пять лет жизни с Антоном она настолько привыкла полагаться на него даже в мелочах, что вместо того, чтобы «скорую» вызывать она принялась его трясти и спрашивать, что ей делать, а он только рот разевал, как рыба на берегу. Пока догадалась врачей вызвать, пока они приехали... он умер. Завещания Антон не оставил, но наследницей первой очереди была Люба и спорить с этим никто не стал.

Спустя полгода после похорон третьего мужа Любочка Голицинская встретила Дмитрия Огурцова и снова влюбилась. История их знакомства на самом деле была совершенно непримечательной. День рождения общего знакомого, на ко-

торый Люба и Дмитрий пришли без пары. Событие отмечали на даче в приятной камерной компании. Были традиционные шашлыки, песни под гитару, стрекот сверчков, аромат жасмина, гамак и звездное небо. Все вокруг располагало к романтическому настроению. Любочка была очень хороша в белом длинном сарафане. Глубокий расшитый кружевом вырез на пышной белой груди, как магнитом притягивал взгляд. Любочка томно опускала глаза, вздыхала, прикрывала грудь и плечи шалью. Из-под подола выглядывала белая ножка с тонкими, розовыми пальчиками, ножка покачивалась и однажды с нее соскочила туфелька. Димочка как настоящий рыцарь поднял туфельку и водрузил ее на место, задержав на долю секунды ножку в своих руках. Романтическое настроение плавно переросло в эротическое. И когда гости стали собираться домой, Дима совершенно естественно вызвался отвезти Любу домой. Страсть настигла их минут через десять в ближайшей лесополосе. И видимо так сложились звезды, что эту ночь они провели вместе, но так и не насытились друг другом. Через неделю довольно банальная история знакомства обросла роковыми подробностями и Любочка всем знакомым рассказывала о том, что сама судьба привела ее на ту дачу, где она обрела любовь всей своей жизни.

Димочка с огромным удовольствием слушал, как Люба расписывает их неземные отношения подругам по телефону: – Сонечка, оказывается, раньше я никогда не любила. Это

действительно какая-то мистика. Ты прекрасно знаешь, как я не люблю все эти мероприятия на природе – комары, вечно дымом пропахнешь, да и этими, как их там, репеллентами всякими. Я вообще не собиралась ехать к Лапшину на день рождения. Я его жену недолюбливаю. Ха-ха... Не хочу об этом говорить, но этот Лапшин та-а-к на меня смотрит. Ой, Дима у меня такой ревнивый, – Люба оборачивалась к нему, смотрела с нежностью, – но мой тигр знает, что его кошечке никто больше не нужен. А тут эта мымра Лапшина сама мне позвонила и давай уговаривать, без меня, мол, компания не та. Ну, пришлось приехать. А Дима тоже ехать не хотел, он так много работает. А тут на удивление встречу перенесли и у него целый вечер свободный. Он и решил поехать отдохнуть от города. Я его увидела и сразу поняла – это мой мужчина. Даже кажется, он мне снился в детстве.

Ее простоватая восторженность чрезвычайно тешила его самолюбие. Он невольно сравнивал ее со скуповатой на эмоции Женей. И Женя всегда проигрывала. Как все-таки приятно быть самым-самым. Он никогда не упрекал Любу за излишнюю болтливость.

27 января 2003 года

...Папа купил компьютер! В кредит. Заволок его домой и провозгласил, что нам всем теперь придется потуже затянуть пояса. Как будто мы их распускали.

Я никогда не видела его таким радостным. Обычно он не разговаривает как нормальные люди, он читает нотации либо поощрительную, либо нравоучительную, со скупой одобрительной улыбкой, либо с вселенским презрением. Зануда – одно слово! А тут пританцовывает, хочет разделить радость с нами. Я даже заслужила его похвалу. Он удивился, что я умею кое-что на компьютере и, конечно, приписал мои заслуги себе: «Вот видишь, дочь, грамотный человек с любой задачей может справиться. Не прошли даром твои бессонные ночи, продолжай в том же духе!» Иди от.

Если бы не Антон ничего бы я не умела. Я даже учиться лучше стала. У меня сердце сжимается от ужаса, как представляю, что Антон той зимой мог пройти мимо меня или я испугалась бы холода и ушла из парка. Да что угодно могло помешать нашей встрече! Но это судьба! Я сидела в парке на скамейке три часа, страшно замерзла, Антон проходил мимо, пожалел и пригласил к себе. А мне было все равно, куда идти, лишь бы не домой и в тепло. Вот так случайно в мою жизнь пришло Счастье.

Антон мне разрешает абсолютно все! И на компьютере играть и телик смотреть и даже есть перед телевизором. Он мне столько дисков купил! Ни у кого столько нет. Конфеты самые дорогие в коробках, а не на развес! И вещи покупает и косметику. Жаль только нельзя их с собой забирать и показывать кому-нибудь. Карасева и все ее подруж-

ки умерли бы от зависти. Но нельзя. Пока мне не исполнится восемнадцать лет, мы должны скрывать наши отношения. Иначе нас разлучат. Но мне никто кроме Антона и не нужен. Мне плевать и на Карасеву и на ее свору. Они ничто, падаль. Если такой богатый взрослый умный человек, как Антон считает меня красивой и интересной, значит, во мне действительно есть истинная красота!

12 февраля 2003 года

Мне 15 лет. Это будет самый лучший день рождения! Не дождусь, пока позвонит Антон и позовет к себе!!!

13 февраля 2003 года

АНТОН ПОДАРИЛ МНЕ ЗОЛОТУЮ ЦЕПОЧКУ И КУЛОН! Из настоящего золота, с огромным камнем. Так блестит! Это точно бриллиант! Жаль, что нельзя его носить. За такую вещь голову оторвут на улице. Антон обо мне заботится. Он меня так любит! Как же мне не хотелось возвращаться домой. Скорее бы я выросла и Антон на мне женился!

Кстати, у меня уже тринадцать энциклопедий. Ха-ха-ха!..

Он ждал ее в подъезде...

Пришлось ее поискать. Как у баб все просто – поменяла прическу и фамилию и уже совсем другой человек. Но он,

если захочет, найдет кого угодно, из-под земли достанет. А ее найти он очень хотел. Должок за ней нарисовался. Никто и никогда в жизни не посмел его кинуть. И она в ногах у него валяться будет, прощение вымаливать.

Он присел на подоконник. Между этажами за шахтой лифта он оставался невидимым для жителей дома. Достал тонкую сигарету, белоснежная трубочка странно смотрелась, зажатая в его желтых узловатых пальцах. Он прикурил, медленно затянулся, дым выпустил в форточку, чтобы не привлекать к себе внимание. Недовольно скривившись, потушил только что закуренную сигарету об подоконник и смачно сплюнул на чистый пол:

– Сигареты какие-то бабские, папиросы нужно купить...

До своего дома Люба шла летящей походкой, мило улыбнулась пожилым соседкам, отдохавшим на скамейке у подъезда. Все-таки у старых домов есть свои минусы, например, вездесущие бабули. За историю существования дома их накапливается приличное количество. Новостройки совсем другое дело, там обитает лёгкая на подъём молодёжь и никому нет дела друг до друга. А тут пока до квартиры доберешься тебя, как рентгеном, просветят.

Закрыв дверь подъезда, Люба поморщилась от боли: все-таки летом ноги отекают, и носить туфли на десятисантиметровых шпильках очень тяжело. До квартиры осталось совсем чуть-чуть и сейчас ее никто не видит. Она расслабилась и походка потяжелела.

– Что, Любань, тяжело стало скакать, как блохе подкованной?

Люба при звуке голоса быстро подобралась, а когда разобрала ядовитый смысл и узнала говорившего, ноги у нее подкосились еще сильнее и она ухватилась за перила.

– Ну-ну, что за трагизм! От счастья ноги не держат? Поднимайся, я уже заждался тебя.

Люба осталась на месте и тогда он спустился к ней. Она не двигалась. Кричать – глупо, он ей ничего не сделает, пока. Убегать? Куда она убежит в этих босоножках? Лучше не злить его и не привлекать внимания соседей. Незачем им знать какие у нее есть знакомые.

Он вышел из тени и попал в прямоугольник света, льющийся из окна. Он сильно изменился, постарел, лицо стало серым, глаза холодными, водянистыми, морщины глубже, похудел, даже как будто стал меньше ростом. Но она помнила очень хорошо, сколько силы в его жилистом сухом теле, руках, кулаках...

Он подошел близко-близко, наклонился к самому лицу, вдохнул ее запах, коснулся щеки.

– Соскучилась? Что отворачиваешься? Не нравлюсь? Раньше, как кошка о ноги терлась. А ты мне нравишься...

У него неприятно пахло изо рта, нескольких зубов не хватало. Он больно схватил ее за ягодицы и мерзко засмеялся:

– А у тебя аппетит всегда хороший был! Ишь, нажрала гудочек.

Люба очнулась от неожиданности и резко отпихнула его руки.

– Что тебе надо?!

– Тише, тише... Не того, о чём ты все время думаешь. То же мне сексбомба. Денег мне нужно. Видишь, я вернулся. А кто мне тут самый родной человечек? Ты, Любаня. Мне на первое время штук десять баксов дашь, чтобы я к тебе каждый день не навевался... – говоря, он перехватил у нее сумку, вытащил кошелек и переложил наличность себе в карман.

– Поняла? Приду скоро. Не соберешь деньги – пожалеешь. Ты меня знаешь, бойся. Здесь подворотня тёмная...

Он шлепнул ее пониже спины и не спеша пошел вниз. Хлопнула дверь подъезда.

Люба тяжело поднялась к себе в квартиру, захлопнула дверь, навесила цепочку и только потом включила свет в прихожей. Теперь она почувствовала себя в безопасности. С тоской вспомнила умершего мужа Антона. Если бы он был жив, она рассмеялась бы мерзавцу в лицо и ни секунды бы не беспокоилась, Антон всегда все улаживал.

– Но теперь есть Дима, – напомнила она сама себе, хотя спокойствия от этого не прибавилось.

Дома Люба всегда ощущала умиротворение, как в уютных маминых объятиях, когда весь враждебный мир остается далеко-далеко, а ты чувствуешь только безграничную

нежность и защиту любящих рук. Для Любочки это была не просто квартира. Это ее цитадель, ее собственный мир, в котором не было ни одной вещи купленной просто так, без души, каждая деталь была продумана и облюбована. Интерьер Любочка придумывала сама, не торопясь и ни в чем себя не ограничивая. Пятикомнатная квартира Антона Голицинского позволила воплотить в жизнь даже фантазии. «Благородные натуральные материалы, мягкие цвета и струящийся свет позволили воссоздать атмосферу классического семейного жилища», – так сказал дизайнер, помогавший Любочке выразить то, что она хотела.

Босиком хозяйка прошла в спальню, повесила платье на плечики, накинула шёлковый халатик, достойный приёма у английской королевы, а на ноги натянула тёплые носки из овечьей шерсти, пока никто не видит, и отправилась на кухню – очень хотелось встретить Димусика вкусным ужином.

– Как все-таки хорошо, что он не настаивает на переезде в его квартиру. Димуся любит Любочку и не имеет нездоровых мужских предубеждений против площади будущей жены, – расстаться со своим детищем Любочке было бы очень тяжело.

Зазвонил телефон. Это был Дима.

– Солнышко, я должен задержаться на работе. Не рассчитал время, столько дел навалилось. Но это все ты виновата.

– Я? Что же я сделала моему Котику?

– Ты меня отвлекаешь, – притворно строго протянул Ди-

ма, – все мои мысли только о тебе, Солнышко. Котик не может сосредоточиться на делах, но Солнышко дождется Котика, да? Или мне придется долго будить, будить мое Солнышко?

– Дождется, конечно! – мурлыкала Любочка, – но будет сильно скучать и грустить. Приходи скорее, я тебя целую в носик. А Котик любит свое Солнышко?

– Дождешься меня, и я тебе все-все расскажу. Целую – чмоки-чмоки.

– Жду тебя... – дышала в трубку Люба. Настроение улучшилось, Дима ее очень любит, он молодой сильный мужчина и рядом с ним Люба должна чувствовать себя защищенной.

Ужин готовить она передумала: скорее всего, Дима перекусит на работе. Зато можно получить удовольствие от вынужденного одиночества. Она взяла бутылку красного вина и бокал, поставила на поднос блюдце с тремя маленькими пирожными с взбитыми сливками и вазочку с клубникой, забралась с ногами на диван, поднос с вкусоностями поставила на диванную подушку, включила телевизор и ... как всегда вовремя в дверь позвонили.

– Ну вот, как всегда никакой личной жизни! – вслух возмутилась Любочка. Всю процедуру обустройства на диване пришлось повторить в обратном порядке. Медленно поплелась к двери, вдруг подумают, что ее дома нет, и уйдут, но там за дверью, будто точно знали, что хозяйка дома.

Любочка открыла дверь. На пороге стояла соседка и неко-

торым образом родственница, жена младшего брата Антона Игоревича, Альбина. Невысокая худощавая молодая женщина держала на руках четырехлетнего мальчика. Ей было тяжело и она некрасиво прогибала спину назад, выпячивая живот и перенося на него часть веса ребенка.

– Любочка, прости меня за беспокойство, но ты ведь знаешь, я без веской причины время твое отнимать не стану. Можно пройти? У меня к тебе важный разговор.

Люба недовольно скривилась, развернулась и из-за спины бросила:

– Заходи. О чем ты хотела поговорить? Только поскорее, мне уходить надо.

Они прошли в гостиную. Гостья оглядела натюрморт на подносе и поняла, что ее выпроваживают. Но она была не в том положении, чтобы гордиться и Альбина произнесла тщательно подготовленные слова. Эта речь должна была расплавить каменное сердце бывшей невестки.

– Я еще раз хочу извиниться за то, что отрываю тебя от важных дел, – здесь было важно не показать сарказма в голосе, какие у гламурной пустышки могут быть дела. – Мы с сыном сегодня были на консультации у нейрохирурга. Очень хорошего, к нему запись на два месяца вперед. Он говорит, что если мы сейчас сделаем операцию, то Максимка может восстановиться. Понимаешь, полностью восстановиться. Он сможет даже в обычную школу ходить, будет совершенно нормальным ребенком. Но у нас в городе такие операции не

делают, нужно в Москву ехать. Операция сто пятьдесят тысяч стоит, потом восстановительный период, ну и жить там какое-то время нужно будет. Без очереди попасть на операцию можно только за свой счёт. А нам нужно очень быстро.

Альбина замялась, а Люба никак не выдавала своих эмоций и не поощряла ее продолжать.

– Я, конечно, понимаю, что у тебя траты большие, но мне больше не к кому обратиться, – Альбина разволновалась, глаза у нее покраснели. – Ты же знаешь, Геночка такой несерьезный, немного безответственный. Мы бы у тебя заняли... Гена зарабатывает и мы обязательно отдадим.

– Ах, ты денег просишь, – изволила догадаться Любочка, прошлась по комнате, – но у меня сейчас так обстоятельства складываются, что я не могу дать вам в долг. А давай перенесем операцию. Сейчас осень, куда вам ехать? Давай летом.

Любочка обрадовалась своей мысли:

– О! Куда лучше – лето, Москва! По музеям ходите! Культурная программа.

– Ну, какие музеи, это же операция! – Альбина слегка вспылила, но быстро взяла себя в руки.

– Сентябрь только начался. Дело в том, что операции делают либо осенью, либо весной. Здесь даже погодные условия роль играют. И потом, возраст сейчас у Максимки оптимальный для операции – четыре года.

Альбине показалось, что Люба может согласиться. Она развернула сына лицом к Любе. Мальчик молчал, время от

времени неловко заламывал руки и совал палец в рот, у него были очень красивые грустные глаза.

Любочка почувствовала, что ее загоняют в угол, никакие отговорки в голову больше не лезли. Она старательно отводила взгляд от мальчика и ее раздражала невестка с вечно кислой физиономией и бесконечными проблемами.

– Ну, давай тогда весной, ему же только в июне пять исполнится?

– Но ведь весной уже почти пять... – Альбина шептала.

Тогда Люба решила не выкручиваться, а сказать как есть. В конце концов, чьи деньги тот и командует. Она обычно не жадничала, но в данный момент законно рассудила, что ей предстоят большие траты и занимать отказалась:

– Ты понимаешь, мне платье нужно купить для регистрации и для вечера в ресторане. А украшения? А банкет? Просто голова кругом идет! Свадьба – это так дорого и хлопотно! А я хочу, чтобы все было по высшему классу – ведь свадьба бывает оди..., – осеклась она, – не так часто в жизни. Да и Антон мне не так много денег оставил.

Альбина нежно пригладила волосы на голове сына и разыграла последнюю карту:

– Я думаю, Антон хотел бы, чтобы ты помогла мне. Он всегда был добр ко мне и Геночке, а как он Максима любил ты сама знаешь.

Любочка стала раздражаться. Антон действительно во всем опекал младшего брата и его семью, но Люба этого де-

лать вовсе не обязана, они для нее никто:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.